

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ

(Достоевский в неизданной переписке К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова)

Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891),¹ большей частью сохранившаяся лишь в машинописных копиях 1910-х годов, — ценнейший, но еще не введенный в научный оборот источник, содержащий сведения и оценочные характеристики, связанные с историей русского общества и Церкви последней трети XIX в.² Достоевский не принадлежит к числу часто упоминаемых в этих письмах лиц, гораздо чаще здесь встречаются имена К. П. Победоносцева, кн. В. П. Мещерского, М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, В. С. Соловьева и др. Тем не менее все упоминания имени писателя не случайны и могут быть интересны как для исследователей творчества Леонтьева (поскольку вносят любопытные подробности в историю создания его знаменитой брошюры «Наши новые христиане»), так — в не меньшей степени — и для «достоевсковедов». Последнее особенно важно, так как позволяет значительно дополнить известную публикацию Л. Р. Ланского.³ В этой публикации были использованы материалы из той части леонтьевского архива, которая хранится в Государственном литературном музее (письма Б. М. Маркевича, Вс. С. Соловьева), а также ответные письма Леонтьева Соловьеву (РГИА). Заметим, что именно в ГЛИМ хранятся и машинописные копии большинства писем Филиппова к Леонтьеву. Ответные письма Леонтьева и 13 писем Филиппова⁴ из фонда С. Н. Дурылина (РГАЛИ) в 1970-х годах находились в частном собрании и не были известны.

¹ Третий Иванович Филиппов (1825—1899), государственный и церковно-общественный деятель, публицист. В 1850-х годах — участник «молодой редакции» «Москвитянина», один из создателей журнала «Русская беседа». С 1870-х годов — постоянный сотрудник «Гражданина». Автор книг «Современные церковные вопросы» (1882), «Сборник Т. И. Филиппова» (1896). О его общении с К. Леонтьевым см.: Фетисенко О. Л. «Брат от брата помогаем...»: (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // Нестор. 2000. № 1. С. 165—204.

² Переписка использовалась А. М. Коноплянцевым при подготовке биографии Леонтьева, некоторые письма обильно цитировались (Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911). Несколько цитат из писем Леонтьева к Филиппову приводятся в комментарии С. Н. Дурылина к автобиографическому повествованию «Моя литературная судьба» (Лит. наследство. М., 1935. Т. 22—24). Эти же фрагменты воспроизведены и в «Избранных письмах» Леонтьева, изданных Д. В. Соловьевым (1993). См. также: Косик В. И. Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему. М., 1997.

³ Лит. наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 349—564.

⁴ Автографы, не вошедшие в подборку, скопированную в начале XX в. при подготовке сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» и Собрания сочинений.

Данная статья может послужить дополнением и к многочисленным работам на тему «Леонтьев и Достоевский», авторы которых обычно не обращались к архивным источникам. Большинство этих работ посвящено проблеме «спора» Леонтьева с Достоевским после Пушкинской речи.⁵ Материал, представленный ниже, также связан именно с этой темой, но прежде чем проследить, как развивалась она в переписке, приведем одно неожиданное высказывание, которое на первый взгляд уводит в сторону от «пушкинского» сюжета, но на самом деле может явиться и камертоном для дальнейшего рассказа. К этому фрагменту необходимо сделать минимальный исторический комментарий.

Осенью 1880 года после неудачи, постигшей «Варшавский дневник» (который, впрочем, не перестал существовать и после ухода Леонтьева), в переписке Филиппова с Леонтьевым, Е. М. Феоктистовым и другими обсуждается вопрос о создании новой «охранительной» газеты. После того как была отвергнута мысль о редакторстве Леонтьева, назывались другие лица и среди них Вс. С. Соловьев. Бывший редактор «Варшавского дневника» поддержал эту идею, однако в письме от 23 октября 1880 года выразил некоторое сомнение в пригодности популярного писателя к столь ответственному делу. Вот на чем это сомнение основывалось: «...У Вс. Соловьева года два тому назад было еще что-то неопределенное; он был под влиянием сантиментальностей Достоевского, которому хорошо наигрывать на одной и той же теме невозможной *любви*; эта песня доставила ему много приятного и выгодного. А Вс. Соловьеву надо передать *иное наследство, покруче и понаучнее*, так сказать. Не *поучение*, а именно *понаучнее, пообъективнее*» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 44).

Газета не была создана, но ее «идеология» продолжала обсуждаться и часто — как мы увидим дальше — в те же дни, что и тема спора с автором Пушкинской речи.

Начало основного «сюжета», связанного с Достоевским, восходит к Пушкинским торжествам 1880 года. 22 июня Филиппов заканчивает письмо к Леонтьеву в Кудиново припиской: «После праздника Пушкина нам нельзя бездействовать! О пира мерзка!» (РГИА, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11 об.).

«О пира мерзка!» — весьма значимая цитата из богослужения на день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (первая стихира «на Господи воззвах»); т. е. здесь московские торжества уподоблены пиру царя Ирода. Филиппов этой фразой призывает своего корреспондента к вмешательству, говорит о необходимости возра-

⁵ Из публикаций последних лет, связанных с этой темой, можно выделить две работы. «Религиозный аспект» полемики анализируется в обстоятельной статье Н. Ф. Будановой «Достоевский и Константин Леонтьев» (Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1991. Т. 9. С. 199—222). Событием в развитии данной темы можно назвать появление в расширенном виде статьи С. Г. Бочарова «Леонтьев и Достоевский», вошедшей в его книгу «Сюжеты русской литературы» (М., 1999).

жения, ответа.⁶ Правда, для него ключевой фигурой тогда был не восторженно принятый публикой Достоевский, а бойкотируемый либеральными участниками праздника Катков. Ответное письмо Леонтьева, вероятно, не сохранилось.

В следующем письме (2 июля) Филиппов разъясняет недоумение. Оказывается, его сведения были не вполне верными. «О празднике Пушкина я написал Вам, не зная, что на деле он — т. е. первый его день — прошел очень хорошо. Я виделся с Катковым, и от него слышал это. Никакого incident-Каткова не было; все от α до ω — чистейшая ложь!» (там же, л. 13—13 об.).

Эти строки были вызваны появлением известного отклика Леонтьева, возможно инспирированного Филипповым, — статьи «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» (Варшавский дневник. 1880. № 150, 155).⁷ Первая ее часть, датированная 28 июня, вышла 15 июля. Это — ответ на призыв «не бездействовать». Здесь Леонтьев первый раз упоминает о речи Достоевского, выделяя «пророческую мысль о „космополитическом” назначении славян».⁸ Вторая часть датирована 4 июля, т. е. тоже, вероятно, написана до получения письма Филиппова или в сам день получения (опубликована 21 июля). Во второй части статьи Леонтьев вновь называет речь «пророческой», заявляя, впрочем, о своем несогласии с мыслями ее автора. Это несогласие побуждало к полемике с Достоевским; так появилась статья «О всемирной любви», написанная 13—30 июля в калужском имении (Варшавский дневник. 1880. 29 июля. № 162; 7 авг. № 169; 12 авг. № 173).

Не будем повторять здесь хорошо известные вещи — о том, как воспринял статью Достоевский, — это подробнейшим образом освещено и проанализировано исследователями вопроса (26, 483—486).

«Варшавский дневник» мало читался в России, и, может быть, именно поэтому Леонтьев не считал тему «закрытой». Уже после смерти Достоевского он возвращается к вопросу «о всемирной любви» и намеревается даже заострить его. «Лжепророк Достоевский и его лжехристианское учение» — так собирается он назвать новую брошюру. 14 мая 1881 года Леонтьев писал Филиппову: «Я теперь думаю часто, что брошюрками дешевыми можно сделать пользу. (...)»

Благословляете ли Вы мне издать брошюру такого рода: *Лжепророк Достоевский и его лже-христианское учение*.

⁶ Кстати, так строится и цитируемое песнопение, в конце стихирь верные призываются именно противостать этому «пиру»: «Но мы Крестителя, яко в рожденных женами больша, достойно чтуще ублажаем». Так же заканчиваются и две следующие стихирь.

⁷ Статья вошла во второй том сборника «Восток, Россия и Славянство» (1886).

⁸ Леонтьев К. Н. Собрание сочинений: В [9] т. М., 1913. Т. 7. С. 198. Далее ссылки даются в тексте: Леонтьев, римская цифра означает том, арабская — страницу.

Тут будет не *он один* — и еще: *бояться ли нам социализма* (или что такое социализм? — маскированная, сама себя не понимающая реакция будущего. Только славянство может осуществить *охранительный социализм*, не трогая веры и Державы!..)

Если *Вы благословите* и если обстоятельства дадут мне вздохнуть, то охотно написал бы это» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 48—49).

Что могло послужить стимулом к появлению этого нового замысла? Не просто ведь это отклик на смерть Достоевского? К резкой формулировке «лжепророк» (она, заметим, не «отменяла» собственно пророческого дара писателя, но была предостережением — случается, что и пророки впадают «в прелесть») могли побудить статьи о Достоевском, в которых звучало слово «пророк».

Развитие замысла было связано с основными идеями Леонтьева-публициста. И в письме к Филиппову он, очевидно, говорит не о двух разных темах (Достоевский, социализм); для него это одна тема. На самом деле речь идет о такой проблеме, как возможность золотого века,⁹ Царства Божия *на земле*.

У Леонтьева было свое понимание социализма («реакция будущего»). О нем стало широко известно из некоторых его писем, которые начали издавать в 1890—1900 годы, из воспоминаний его учеников. В переписке с Филипповым Леонтьев также «проговаривался» на эту тему — что важно для нас — часто в тех самых письмах, где шла речь и о Достоевском (например, 20 сентября 1882 года). «Прогрессивно-охранительная» программа была изложена Леонтьевым в предназначавшейся для «высших сфер» «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» (1881).¹⁰ В цитированном выше письме от 14 мая обсуждался этот «проект», — записка была только что прочитана Филиппову при встрече в Москве.

Итак, один из аспектов занимавшей Леонтьева темы — христианство и социализм. Естественно, имя Достоевского не могло не прозвучать в таком контексте. Здесь соединяются и юношеское увлечение Достоевского французскими утопистами (Леонтьев часто делал акцент на схожести позиций позднего Достоевского и утопистов¹¹), и его мечта о роли славян в будущем Европы, о миссии России, о «всемирной любви»... Здесь было с чем спорить.

⁹ Не случайно Н. С. Лесков назовет свою вторую полемическую статью о «наших новых христианах» «Золотой век» (Новости и Биржевая газета. 1883. 22, 29 июня. № 80, 87).

¹⁰ Впервые опубликовано: *Леонтьев*, VII, 497—508.

¹¹ П. Б. Струве справедливо заметил, что «Леонтьеву претила характерная для Достоевского примесь к христианству гуманизма и сентиментализма, отчасти совершенно самобытного, почти народнического, отчасти заимствованного у западных социалистов (главным образом у Фурье и Жорж Санд)» (Русская литература. 1992. № 3. С. 96). Ср.: *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. С. 363—364.

«Гартман и Шопенгауер кой-чем ближе ко Христу, чем эти „усладители“...» — пишет Леонтьев Филиппову 24 февраля 1882 года, подразумевая Достоевского и Вл. Соловьева.¹² Словечко «усладители» напоминает еще об одном аспекте полемики, отсылая к знаменитому определению «розовое христианство». Правда, оно появилось чуть позже; в статье 1880 года говорилось лишь о «розовом» оттенке, внесенном в христианство Достоевским.¹³ Развернутое определение «розового, сентиментального» христианства дано лишь в предисловии к брошюре 1882 года. За этими характеристиками (что, как правило, не замечается читателями) — представление не о цвете,¹⁴ но о «розовой», подслащенной воде. «Вода жизни» трудна для *среднего европейца*, и «усладители» предлагают ему «розовую воду», сиропчик (или, если угодно, — парфюмерное средство). Впервые этот фразеологизм употреблен Леонтьевым за несколько месяцев до Пушкинской речи в передовой «Варшавского дневника»: «Поменьше и о той любви без страха, того христианства à l'eau de rose, которым иные простодушно морочат и себя, и нас...» (Леонтьев, VII, 73).¹⁵ Видимо, в задуманной брошюре «Лжепророк...» он хотел обратить внимание именно на эту подмену.

Тема подмены (суррогата) найдет продолжение в одном из поздних писем к Филиппову. Леонтьев, не упуская случая противопоставить себя автору «Братьев Карамазовых», сообщал 10 января 1890 года о том, что, по благословению старца Амвросия, начинает роман «в правосл(авном) духе» (речь идет о неоконченном романе «Подруги»); при этом он не преминул подчеркнуть, что заботиться намерен прежде всего о том, «чтобы христианское учение было в нем настоящее, а не „маргариновое“ (как у Достоевского)...» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1025. л. 70).

Вернемся, однако, к письмам весны 1881 года. 19 мая Филиппов ответил:

«2) „Лже-пророк Достоевский“ — не соответствует свойству и мере заблуждений покойного. По отношению к лицу покойного это название было бы напрасною жестокостью; по действию на чита-

¹² Ср. с оценкой «пессимизма» К. Р. Э. фон Гартмана в статье «Как надо понимать сближение с народом?» (1880) (Леонтьев, VII, 233—237).

¹³ О. А. Белкина кстати вспомнила и об определении «розовый славизм», прозвучавшем в другой статье 1880 года в связи с К. И. Тютчевым; но, раскрывая это определение, она привела не относящуюся к нему цитату (Белкина О. А. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в восприятии К. Н. Леонтьева // Русская литература. 1992. № 3. С. 141—148). Ср.: Леонтьев, VII, 236.

¹⁴ Даже у С. Г. Бочарова однажды противопоставлены «розовая» и «черная» ереси Достоевского и Леонтьева (Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 358).

¹⁵ Следовало бы выяснить историю этой французской идиомы. Еще одну трактовку определения «христианство на розовой воде» предложил нам в устной беседе Г. Б. Кремнев, напомнивший о другой розовой воде — родоотамне, которой омывается престол в храме при его освящении.

телей было бы очень невыгодно для Вас. Иже несть на вы, по вас есть. Обличить же ту сторону христианского воззрения, которая истинному христианству не сообразуется, дело и нужное и достойное Вашего дарования.

3) О социализме писать ли, на это ответа дать не могу...» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 271, л. 20).

Мы видим, что Филиппов разделяет два замысла. Впрочем, «благословение» на полемику было дано.

Отвечая на это письмо 23 мая, Леонтьев обещает написать «обстоятельнее» (в том числе и о Достоевском) «позднее» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 51). Однако такого письма не сохранилось; следующее датируется уже 7 сентября. Возможно, других писем и не было; а тема «лжепророчеств» обсуждалась при встрече.

Замысел не был осуществлен; 24 февраля 1882 года Леонтьев рассказывает о своих литературных делах и — как часто бывало в это время — сетует, что ему приходится заниматься беллетристической, дающей заработок,¹⁶ в то время как нереализованными остаются давние публицистические планы.

«Никто не знает простой вещи, что эти „голуби“ дают на „харчи“, а начни я писать то, что *думаю*, о чем писать мне было бы легко и приятно, (о том, что Влад. Соловьев есть один из Предтечей антихриста, что «братья Карамазовы» гадость и ложь, что Гартман и Шопенгауер — кой-чем ближе ко Христу, чем эти «усладители», что немцы правы, считая славянство только *революционной силой*) — то кто же это напечатает? Разве русские любят дерзость мысли? Разве они понимают ее?» (там же, л. 57—58).

Здесь вновь рядом Достоевский (в последнем его романе Леонтьев, вероятно, намеревается обличить «розовое христианство» старца Зосимы) и «славянский» социализм...

Существенно нового он так и не создает, но готовит брошюру, объединяющую статьи о Достоевском и Толстом.

Летом 1882 года была написана рецензия на рассказ Толстого «Чем люди живы?» (Гражданин. 8 июля. № 54. 11 июля. № 55);¹⁷ в брошюру «Наши новые христиане» она войдет под названием «Страх Божий и любовь к человечеству».¹⁸ Не случайно эта статья была подписана псевдонимом «Русский мирянин», больше Леонтьевым не использовавшимся, а в данном случае прямо переводящим разговор о новом произведении Толстого в сферу христианской, церковной проблематики.

Очевидно, именно об этой статье идет речь в письме Филиппова от 30 июня 1882 года: «Благодарю Вас за утешение, достав-

¹⁶ В 1881 г. была написана повесть «Египетский голубь».

¹⁷ Статья была отвергнута редакциями «Современных известий» и «Московских ведомостей».

¹⁸ Гранки «Гражданина» с авторской правкой и надписью, адресованной М. В. Леонтьевой, хранятся в РГАЛИ (ф. 2980, ед. хр. 1004).

ленное мне Вашею статьею...» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 271, л. 25). На следующий день он отправил рукопись кн. Мещерскому с сопроводительным письмом: «Леонтьев посылает Вам через меня отвергнутую Катковым статью (...). Поздравляю Вас с таким уловом! Я отдохнул душой, читая эту статью...» (РГАДА, ф. 1378, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1—1 об.). В обоих письмах Филиппов высказывал намерение написать статью на ту же тему. «Завтра отправлю ее к кн. Мещерскому с своим письмом, а через некоторый срок пошлю туда и от скудости собственных словес крупичу. (...) Мне всегда претила его притворная искренность» (ГЛМ, ф. 196, ед. хр. 271, л. 25). Таким образом, Филиппов был первым читателем статьи о Толстом, свой же замысел он, вероятно, не осуществил.

С просьбой подыскать издателя для брошюры Леонтьев обращается именно к Филиппову. Но, быть может, последнему принадлежала и сама идея подготовки этого издания. 21 августа 1882 года Леонтьев сообщал О. А. Новиковой: «Филиппов собирается подговорить графа Шереметьева¹⁹ издать на свой счет в Петербурге брошюрку под заглавием: *Гр. Л. Толстой и Ф. М. Достоевский как христиане*. (Обе статьи вы читали)» (ОР РГБ, ф. 126, к. 3323, ед. хр. 21, л. 18 об.). В письме от 27 августа 1882 года он вновь делится этой новостью, правда, за эту неделю успел появиться окончательный вариант названия: «Филиппов хочет предложить графу Шереметьеву издать в Петерб(урге) брошюрой мои 2 критики на Л. Толстого и на речь Достоевского под общим заглавием: *Наши новые христиане*» (там же, л. 21 об.). Предположим, что если Филиппов и не является «автором» этого заглавия, то рождено оно не без его участия (ведь обсуждение темы началось именно с названия «Лжепророк»).

13 сентября Леонтьев, начавший сомневаться в согласии Шереметева дать деньги на издание, намеревается послать Филиппову в Петербург «заметки о Достоевском и Толстом», чтобы искать новые «средства их издать» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 70); но уже через неделю сообщает о том, что «дело сладилось» (там же, л. 71). Брошюра печатается в типографии Д. М. Погодина, занимается ее подготовкой Н. П. Барсуков.²⁰

Для того чтобы «улучшить распродажу книжки», нужны не только объявления о ней в газетах (эта тема также постоянно присутствует в переписке), но и отзывы. Леонтьев вновь обращается к своему покровителю и другу: «Вот если бы Вы Вашим золотым тонким и твердым перышком написали бы строчек 20 в Петерб(ургских) Ведом(остях) — порадовали бы Вы меня» (пись-

¹⁹ Речь идет о графе Сергее Дмитриевиче Шереметеве (1844—1918), русском государственном деятеле, почетном члене Академии наук, историке, издателе.

²⁰ См. переписку с ним: РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 71, л. 154, 174, 2096, 278—278 об.; ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 83.

мо от 26 ноября 1882 г. — РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 77). Он вправе рассчитывать на такую поддержку, поскольку сам горячо отозвался весной того же 1882 года на просьбу Филиппова отрецензировать его книгу «Современные церковные вопросы»: написал две рецензии и задумывал большую статью, чуть позже вступил в полемику с журналом «Православное обозрение» и т. д.

Молчание Филиппова вызывает обиду, о которой Леонтьев не может забыть и через несколько лет (об этом свидетельствует, например, письмо к К. А. Губастову от 4 июля 1885 года). Его радуют даже полемические отклики Вл. Соловьева и Н. С. Лескова (1883). О них он, кстати, сообщает и Филиппову (в письме от 25 ноября 1883 года — РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 89). Статьи Лескова он читал в салоне П. Е. Астафьева 5 сентября 1883 года,²¹ писал о них Новиковой (11 июля 1883 года): «Лесков, вот тот так чудак!.. (...) Опять на днях 2 новых и громовых статьи против меня. Взывает и к Аксакову и к друг(им), чтобы они сказали свое мнение. Смеется над Влад. Соловьевым за то, что вошел в мою «богоматерию». Конечно, это занимательнее молчания, — и он подает хороший пример людям нерешительным, друзьям коварным и т. п.» (ОР РГБ, ф. 126, к. 3608, ед. хр. 2, л. 16 об.—17).

Почему же Филиппов не откликнулся? Может быть, потому, что не разделял обличительные взгляды Леонтьева на Достоевского? Он мог бы поддержать Леонтьева простым разъяснением некоторых понятий («страх Божий», «любовь»), так, как позже, 18 января 1888 года, он сделал это для А. Ф. Кони.²² «Благоговение (...) означает высшую степень уважения или почитания, внушаемого существом высшим или священным и посему сопряженного с чувством страха. Понятию благоговения к Божеству вполне соответствует понятие „страх Божий“, о котором так легкомысленно иногда рассуждают наши глаголемые „писатели“, забывая: α) что страх Божий совершенно изгоняет вон страх человеческий и β) что в состав истинной любви входит, как необходимый *ingrediens*, имен-

²¹ 6 сентября П. Е. Астафьев писал Леонтьеву: «Пришлите-ка, если возможно, читанные Вами вчера вырезки из „Новостей“ (статья Лескова). Я просмотрел бы их пока и, быть может, надумал бы написать что-нибудь „по поводу“...» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 82, л. 4).

²² В фонде Филиппова в ГАРФ мне удалось разыскать письмо А. Ф. Кони от 17 января 1888 года. Обращаясь к «филологическому авторитету» своего корреспондента, он так объяснял суть своей просьбы: «По одному делу мне приходится истолковывать слово „благоговение“. Наши юристы-практики говорят, что истинный смысл этого слова определить невозможно, но нарушение благоговения может быть постигнуто лишь по обстоятельствам дела (...) так — с полупоэтической точки зрения — смотрел доселе и Сенат. — Но мне кажется, что слово это должно иметь ясный и определенный смысл и содержать в себе, по своему происхождению, указание на связанное с ним конкретное понятие.

Не откажите сообщить Ваше мнение о составе, значении и происхождении этого слова...» (ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 1988, л. 10—10 об.).

но тот страх, который называется благоговением и без которого любовь обращается в пошлое амикошонство. Страх чем-нибудь оскорбить, чем-нибудь не угодить, чего-нибудь не сделать такого, к чему обязывает любовь: вот благоговение!» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1775, л. 8—8 об.). «Глаголемые „писатели”» здесь — Толстой и, возможно, Лесков и Вл. Соловьев.

Прошло несколько лет. В 1885 году, включая «Наших новых христиан» в сборник «Восток, Россия и Славянство», Леонтьев пишет обширное примечание, в котором оценки становятся еще резче, чем в 1882 году. В одной из статей 1885 года упоминается «нервная и космополитическая обмолвка Достоевского о каком-то русском окончательном слове: „всеобщей гармонии”» (Леонтьев, VII, 483) — т. е. все та же Пушкинская речь.

Как уже было сказано, обсуждению темы Достоевского и Пушкинской речи в переписке предшествовало обсуждение «инцидент-Каткова» на празднике в Москве. Любопытно, что еще раз эти имена пересеклись в письмах 1887 года. На следующий день после смерти публициста, 21 июля Филиппов написал для «Гражданина» его некролог, резко отличающийся по тону от всех остальных откликов «охранителей»: о покойном здесь были сказаны не только хвалебные слова.²³ «Московские ведомости», оскорбленные, как им представлялось, недооценкой роли своего покойного редактора и прозвучавшими в некрологе намеками на его политические ошибки, начали полемику с «Гражданином» в крайне грубой манере, провоцируя Филиппова ответить тем же.²⁴ Этот эпизод и сама проблема отношения к Каткову-политику стали темой нескольких писем и, что особенно любопытно, — вызвали еще одно воспоминание о Достоевском.

В декабре именно в связи со спором о Каткове, Леонтьев напомнил Филиппову о своем старом замысле и о том, как был удержан от резкого обличительства: «Помните, я одно время хотел писать брошюру: „*Лже-пророк Достоевский*”, и Вы мне сказали: „не прибавляйте без нужды количества наших врагов; многие, которые теперь хоть не *против* нас, а тогда они станут”» (конец письма не сохранился; РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1025, л. 30—31). Леонтьев, таким образом, ссылаясь на самого Филиппова, призывает его к примирению с последователями и преемниками Каткова, чтобы не умножать количества врагов.

Откликаясь на это напоминание, 21 декабря 1887 года Филиппов еще раз объясняет свою позицию: «Идти в ногу с Петровским и Сувориным, которые оба торгуют нашей святыней, я был бы не в силах; а искажение и унижение нашего священного символа принесло бы и приносит ему более вреда, чем объявленная ему прямая

²³ Филиппов Т. Памяти М. Н. Каткова // Гражданин. 1887. 26 июля. № 60. С. 2.

²⁴ Московские ведомости. 1887. 1 авг. № 209. С. 4.

война.²⁵ Еретик вреднее язычника. От Каткова даже нам пришлось бы оборонять верховное начало нашего исповедания — Церковь; во сколько же раз увеличилась опасность для Церкви при его епигонах. Где же тут возможность мира? И не грех ли сопоставлять с ними епигонами Достоевского, который мог много не понять в Христианстве, но с Феофаном заключить мира не мог. Меня испугало тогда Ваше заглавие „Лжепророк“, в котором заключалось несравненно более обвинения, чем в Достоевском было вины. А против полемики с ним вообще я не нашел бы возражений: она даже была нужна. Вот гр. Толстого не грех назвать так! Это действительно лжепророк!» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1035, л. 18 об.—19).

Особого пояснения здесь требует имя «Феофан». В переписке духовных друзей и единомысленников была своя тайнопись или по крайней мере своя система образов; и один из главных образов, когда речь идет о церковной жизни, о теме «Церковь и государство», — это «Феофан», «семя Феофаново» и т. п. Ясно, что подразумевается здесь автор «Духовного регламента» — епископ Феофан (Прокопович), олицетворяющий, по мысли Филиппова, обмирщение Церкви.

Итак, Достоевский — пытается доказать Леонтьеву Филиппов — скорее союзник, а не противник в общем их деле противостояния «духу лестчу», потому что не был «другом миру». Наследники Феофана — это те, кто способствует обмирщению Церкви, подчиняют ее государственным, национальным или еще каким-либо интересам.

Филиппов, хорошо знавший Достоевского (в частности, по Обществу любителей духовного просвещения²⁶), свидетельствует о церковности Достоевского, признавая при этом и его заблуждения. Подхватывая словечко «лжепророк», он переключает внимание Леонтьева на другого «нашего нового христианина» — Толстого, учащего «заповедям человеческим».

После этого воспоминания о теме лжепророчеств в 1888 году Леонтьев также не пишет непосредственно о Достоевском, но отголоски давнего «посмертного» спора безусловно присутствуют в основных работах этого года, отданного борьбе с Владимиром Соловьевым, которого Леонтьев считал учеником Достоевского. Эти отголоски слышны даже в «Воспоминании об архимандрите Макарии...» (1889). Рассказывая о почившем афонском старце, Леонтьев подчеркивает «несентиментальность» святогорского монашества, напоминает о том, что пекущиеся «о практической земной морали, о пользе ближних и т. д.»,²⁷ еще далеки от «сущности» христианства. Не случайно упомянуты здесь и петрашевцы.

²⁵ Под искажением «священного символа» подразумевается свойственный Каткову и подобным ему политикам и журналистам взгляд на Церковь как на служанку государства и национальных интересов (конечно, открыто редко выражавшийся).

²⁶ Письма Филиппова к Достоевскому, относящиеся к этому периоду, были опубликованы в «Лит. наследстве» (М., 1934. Т. 15. С. 150—156).

²⁷ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 575.

В последний раз Достоевский упоминается в переписке уже в конце жизни Леонтьева в связи с его программной статьей об «охранении» «Над могилой Пазухина». 8 марта 1891 года, в день публикации в «Гражданине» четвертой, заключительной части статьи, Филиппов писал: «На благую минуту душа Ваша зачала и породила нынешнюю статью „Записки отшельника“ IV. Сей час писал я И. Н. Дурново, что она достойна внимания Государя по глубине и самобытности мысли и по своему государственному значению {...}. И так пишите еще и еще...» (РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 4, л. 20—20 об.).

В этой статье имя писателя названо два раза: сначала, вместе с Вл. Соловьевым, в достаточно ироничном примечании к цитате из епископа Феофана Затворника («Приятно встречать у некоторых писателей светлые изображения христианства в будущем, но нечем оправдать их»²⁸), затем — с не меньшей иронией — в знаменитом фрагменте о народе-богоносце, «от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский» и который может очень скоро превратиться в «богоборца» (Леонтьев, VII, 424—425). В цитировавшемся выше письме есть строки, непосредственно перекликающиеся с пассажем о «пламенном народолобце». Филиппов противопоставляет церковное «упование» (здесь означающее, по-видимому, вообще мировоззрение) суетному, человеческому, основанному «на произвольном обоготворении народного характера».²⁹ «Я едва ли могу уступить кому бы то ни было (древним ли славянофилам, Достоевскому ли), в любви и уважении к русскому народу; но те черты, которые я чту в нем благоговейно, воспитаны и утверждены в нем Церковью, Которой и подобает то поклонение, которое мимо Ее вздумали воздавать самому народу и ему одному. Это своего рода передержка» (РГИА, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 4, л. 21).

Достоевского Леонтьев вспоминал и в следующей статье цикла «Записки отшельника» («Славянофильство теории и славянофильство жизни»); завершала цикл статья «Достоевский о русском дворянстве» (Гражданин. 1891. 25, 26 и 27 июля. № 204, 205, 206), написанная в духе «примирения». О том, кто прежде был назван лжепророком, теперь говорилось: «...Его религиозные стремления не всегда правильные и ясные, положим, — но всегда глубокие и сильные...» (Леонтьев, VII, 444). Это примирение, по-видимому, было вызвано изменением ситуации.³⁰ Через десять лет после смерти Достоевского главными объектами полемики, главной «опасностью» для России Леонтьеву представляются Соловьев и «ясно-

²⁸ Фраза выделена курсивом, примечание к словам «светлые изображения христианства в будущем»: «Напр., у Достоевского и Влад. Соловьева» (Леонтьев, VII, 419).

²⁹ Эти строки были отмечены Леонтьевым на полях крестиком.

³⁰ Ср. с началом статьи «Над могилой Пазухина» (Леонтьев, VII, 412—413).

полянский юрод», как он называет Льва Толстого.³¹ На их фоне Достоевский выглядит «своим». Именно этим вызваны слова: «Он только *прибавлял* нечто свое, излишнее и неправильное; но он ничего правильного, ничего издавна иерархий освященного не только не отвергал, но и готов был всегда горой стоять за это правильное и освященное» (Леонтьев, VII, 446). Немалую роль в самой возможности такой оценки могли сыграть евангельские слова, которые еще в начале 1880-х годов напоминал Леонтьеву Филиппов: «Кто не против вас, тот за вас».

И все же в своей последней статье «Оптинский старец Амвросий» (Гражданин. 3 ноября. № 305; 11 ноября. № 313) Леонтьев еще раз обращается к столь задевшим его произведениям Достоевского; даже использует слова «слащавый», «сентиментальный». Упомянуты, конечно, «Братья Карамазовы», но в подтексте прочитывается и неназванная Пушкинская речь. Полное примирение, видимо, не могло состояться.

Еще одним важным источником для нашей темы является переписка Леонтьева с о. Иосифом Фуделем. В письмах Леонтьева, относящихся к началу знакомства, чувствуется стремление переубедить молодого человека, преодолеть в нем влияние «сентиментального христианства» (ср. с приведенным в начале статьи высказыванием 1880 года о Вс. Соловьеве). Сам Фудель признавал в одном из писем к Леонтьеву, что в юности стоял «на пути Достоевского».³² Объясняя свое отношение к автору Пушкинской речи, особенно поразившей его при первом чтении в 1884 году словами о смирении, он писал Леонтьеву 22 июня 1888 года: «А все-таки я Достоевского глубоко уважаю и люблю, несмотря на всю туманность его Православия. — (...) искренно ему благодарен за то, что он указал нам *начало* нашей дороги; теперь мы (молодежь) не собьемся и ничто не мешает нам идти все дальше и дальше» (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 54, л. 7 об.).³³

Случилось так, что именно в «поклоннике» Достоевского, похожем на одного из его «русских мальчиков», Леонтьев нашел

³¹ Статью о «яснополянском юроде» Леонтьев обещает «Московским ведомостям» осенью 1891 года (об этом — в письме В. А. Грингмута к Леонтьеву от 2 ноября 1891 года — РГАЛИ, ф. 290, оп. 2, ед. хр. 43, л. 1).

³² Письмо от 2 апреля 1888 г. (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 54, л. 2).

³³ Об этом же писал летом 1883 года, т. е. вскоре после выхода «Наших новых христиан», другой ученик Леонтьева, И. И. Кристи. Рассказав о том, какое впечатление произвела эта брошюра на его сестру, «страшную поклонницу Достоевского», он заметил: «...она считает вполне заслуженной Вашу отповедь на его речь (...) но она не решается причислить Достоевского к Новым Христианам; она находит в нем много такого, которое ее привлекало или, вернее, удерживало в православии. Я говорю это только оттого, что думаю, что таким опытным в вере, как Вы и Мария Владимировна (племянница Леонтьева. — О. Ф.) Достоевский дать не может ничего; нам же молодым он делает массу пользы в духе веры и не прививает ни одной ереси мне по крайней мере» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 158, л. 3 об.).

самого преданного ученика (впрочем, вполне независимого и самостоятельного), друга и будущего издателя своих книг. Сын о. Иосифа, С. И. Фудель (1899/1900—1977), стал автором книги «Наследство Достоевского».³⁴

Возможно, не без мысли о своем молодом друге и о роли автора Пушкинской речи в его судьбе Леонтьев завершил размышлением о Достоевском очень важный документ — своеобразное завещание, написанное 27 июня 1891 года в Оптиной пустыни и адресованное, по-видимому, Л. А. Тихомирову, — «Список верующих» (фактически — учеников Леонтьева; Фудель в этом «списке» идет вторым): «*NB*. Многие в России и в литер(атуре) и в жизни застывают теперь на несколько времени на *Достоевском*; — это недостаточно; — но все-таки путь хороший — к *отцам Амвросиям*... Если при этом взять в расчет: — 1) идеальную *безвыходность* лучших умов Запада (Ренан, Гартман и т. п.). — 2) нашу современную, сравнительную, хотя и недостаточную еще *потребность умственной независимости* от Европы; — 3) *Тоску* и неудовлетворенность многих; — и 4) Явное *измельчание* революционных идеалов и чувств (сравнить *конец* XVIII века и *конец* XIX — с этой стороны!) — то можно надеяться, что религиозное движение в России будет еще долго возрастать. — „Гармонии“ никакой на земле все-таки не будет никогда; — а все кончится „светопреставлением“ — но при таких условиях — во 1-х *может войти в Царство Небесное наибольшее число душ*; а во 2-х Россия может культурно и государственно процвести и стать во главе человечества. — (Конечно на *время*; — а потом *разрушение*)» (ИРЛИ, № 1109, л. 2 об.).³⁵

Думается, что именно эти слова следует считать итоговыми в теме восприятия Леонтьевым наследия Достоевского. «Путь хороший», не нужно только останавливаться в начале дороги.

Г. БОГРАД

МИФОТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО

(К теме Апокалипсиса в романе «Идиот»)

Теме Апокалипсиса в романе «Идиот» посвящен целый ряд серьезных исследований. Еще К. Мочульский писал, что «в плане метафизическом „Идиот“ есть апокалиптическое видение мира...».¹

³⁴ Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 1998.

³⁵ Фрагмент отчеркнут на полях чернилами и красным карандашом, подчеркивания простым карандашом, скорее всего сделанные не автором, не приводятся.

¹ Мочульский К. Достоевский: Жизнь и творчество // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 400.